

Феномен легитимности права: философско-правовое осмысление

Шугуров М.В.

доктор философских наук,

профессор Саратовской государственной юридической академии

E-mail: shugurovs@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена обоснованию философско-правового подхода к анализу феномена легитимности права. В ней доказывается эвристический смысл данного понятия, проводится различие между подходами политической философии, философии права и теории права к определению содержания понятия «легитимность». Автор фокусирует внимание на содержании понятия «легитимность права», предпосылках кризиса легитимности права, а также возможных направлениях его преодоления. *Ключевые слова:* легитимность, легальность, глобализация права, верховенство права, власть, социальный порядок, права человека, ценности.

Развитие общества в условиях глобализации характеризуется не только деформацией различных социальных институтов в аспекте формирования их непривычного, подчас инновационного контура, но и кризисом социальной нормативности. Это происходит как на национальном, так и международном уровне, что позволяет говорить о транзитивном характере эпохи глобальной турбулентности. Следует заметить, что в основании данных процессов находится кризис легитимности социального порядка как такового, что проявляется в кризисе морали, права, а также политической и религиозной сферы жизни общества. Диффузия привычных устоев создает множество затруднений, имеющих такие последствия, как рост неопределенности, конфликтности, фрустрации, депривации. В итоге происходит снижение эффективного функционирования политических, социальных и правовых институтов и как следствие, — формируется дисбаланс публичных и частных интересов.

В этой ситуации повышается значимость философского осмысления феномена легитимности, содержание которой, безусловно, не может не трансформироваться в условиях глобализационных сдвигов и сдвигов постсовременности. Примечательно, что к одному из трендов осмысления феномена легитимности может быть отнесен охват данным термином новых предметных областей, включая мораль, религию, искусство. В итоге понятие легитимности возвращается к своему изначальному содержательному объему и выходит за рамки политического дискурса. Представляется, что данное понятие, уже широко используемое в юридической науке применительно к оценке политической власти, вполне может быть применимо и к праву. В результате феномен легитимности права может выступить в качестве перспективного предмета осмысления философии права, что одновременно открывает новые горизонты для развития представлений о функциях философии права в современных условиях.

Параллельно с данными перспективами возникает целый ряд теоретических вопросов — может ли привести концептуализация легитимности права к эвристически ценным результатам в понимании права? Что нового может дать видение права в ракурсе его оценки с точки зрения легитимности для понимания его сущности, смысла и предназначения? Каковы возможные направления содержательной интерпретации понятия «легитимность права»? Таков далеко не полный перечень проблем, требующих своего разрешения. Значительное количество вопросов проистекают из констатации того, что, как подчеркивает А.Б. Лисюткин, «в юриспруденции легитимность как самостоятельное политико-правовое явление не имеет однозначного и комплексного обоснования»¹. К тому же это вызвано большей емкостью и меньшей формализованностью данной понятийной конструкции, в отличие, скажем, от понятий «законность», «легальность», «легализация».

С нашей точки зрения, в качестве одного из принципиальных пунктов может выступить осмысление соотношения легитимности права, с одной стороны, и верховенства права — с другой. Осмысление верховенства права, ставшее сегодня принципом современного демократического общества, достаточно широко представлено в доктрине², чего нельзя сказать об уровне осмысления феномена легитимности права, по крайней мере в отечественной юридической науке и философии права. Вместе с тем достаточно аксиоматично, что о верховенстве права можно говорить только в случае его легитимности.

1. Конкретизация понимания феномена легитимности в условиях глобального кризиса легитимности. Прежде чем говорить о

¹ Лисюткин А.Б. К вопросу о природе легитимности в юридической науке и практике // Правовая культура. 2014. № 2 (17). С. 10.

² Доктрины правового государства и верховенства права в современном мире: сб. ст. / отв. ред. В.Д. Зорькин, П.Д. Баренбойм. М., 2013; Виноградов В.А. Правовое государство и верховенство права: теоретические конструкции и реализация // Закон. 2013. № 12. С. 97–101.

содержательном наполнении понятия «легитимность права», необходимо напомнить, что термин «легитимность» является многоаспектным. Легитимность — это качество какого-либо социального значимого явления, которое не сводимо к такому качеству, как законность/закономерность. Сюда следует включить такие стороны социальных явлений, как их признание/признанность, доверие к ним и их принятие, одобрение, оправданность на основании соответствия моральным, эстетическим, религиозным максимам (требованиям, правилам, идеалам, нормам) и, разумеется, правовым требованиям. С этой точки зрения можно говорить о новой модели понимания социальной реальности, которая при всей своей объективности предполагает оценочное отношение к себе со стороны социальных субъектов. Это позволяет последним воспринимать социальную реальность, в которую они интегрированы, в качестве ими же конструируемого бытия.

Сказанное означает, что сам феномен легитимности, как об этом в свое время свидетельствовали М. Вебер и Г. Еллинек, не является некой субстанцией, а выступает феноменом представлений, свойственных социальным субъектам и отражающих их общение и отношения друг с другом. Тем не менее вряд ли целесообразно отрицать за данным понятием такое его содержание, как качество социального порядка. Другими словами, легитимность как представления субъектов социального порядка есть, в конечном счете, представления о легитимности последнего как определенного объективного явления. Кстати говоря, сам М. Вебер также указывал на легитимность как на определенное качество порядка³. В его понимании порядок предполагает такое содержание общественных отношений, когда поведение ориентировано на определенные требования и их разумеющееся соблюдение. В том случае, если эти требования не только являются обязательными, но и воспринимаются как обязательные, следует говорить о легитимности порядка. В итоге данный порядок расценивается в категориях престижа, авторитетности, а также заинтересованности в подражании нормативным требованиям.

Разумеется, возникает целый ряд вопросов об обоснованности тех критериев (смысловых и нормативно-ценностных систем), на основании которых делается вывод о легитимности различных явлений и процессов в рамках социального порядка общества, что предполагает ситуацию признания, доверия и одобрения тех или иных социальных институтов, включая институты власти и господства. В этом контексте не менее важным является вопрос об обоснованности самих требований, которые также должны подпадать под эти критерии и на основании которых

возникает формальный срез легитимности социального порядка.

Если рассматривать легитимность одного из социальных феноменов, а именно власти, то, как точно отмечает Ю.Е. Пермяков, «если юридическое содержание легитимности вбирает в себя всю совокупность средств, с помощью которых власть приобретает признаки социального института (порядок деятельности, компетенция, структура, полномочия), то метаюридическое содержание легитимности выражает способность власти к исторической ответственности, т.е. соответствие каким-либо не поддающимся формализации критериям»⁴. В качестве данных критериев выступают системы ценностей, воплощающие различные метафизические картины мира и, соответственно, того, что есть человек и власть, каковы обязанности их по отношению друг к другу.

В сущности, в аналогичном ключе мыслит и В.А. Шатило, подчеркивающий, что легитимация иногда не имеет отношения к закону и даже может противоречить ему. В итоге легитимация как процедура, посредством которой государственная власть приобретает состояние правильности, оправданности, целесообразности, законности и т.д. и отвечает потребностям и установкам личности и общества, не всегда является формальным процессом⁵. С нашей точки зрения, дело заключается в наличии предельных, а именно смысло-ценностных, мировоззренческих оснований процедур легитимации, которые далеки от формализации. В частности, само понятие признание (принятие) изначально характеризует признание одним человеком другого человека, одной картины мира — другой картины мира как конститутивного момента всякого социального действия, что, в конечном счете, выступает показателем такого ментального состояния как понимание.

Безусловно, следует согласиться с тем, что понятие легитимность несет в себе моральные, религиозные, т.е. неюридические и неправовые (точнее — метаюридические и метаправовые) смыслы, выступая своего рода «пакетным понятием», требующим своего специального изучения. Поэтому констатация легитимности различных социальных и социокультурных институтов и явлений, а не только власти, есть результат консенсуальной констатации их обоснованности со стороны ценностей и ценностных идеалов. Конечно,

³ Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 637.

⁴ Пермяков Ю.Е. Метаморфозы легитимности // Мир человека: нормативное измерение — 3. Рациональность и легитимность. Сборник трудов международной научной конференции (Саратов, 13–15 июня 2013 г.) / под ред. проф. И.Д. Невважая. Саратов, 2013. С. 309.

⁵ Шатило В.А. Вопросы легализации и легитимации государственной власти // Мир человека: нормативное измерение — 3. Рациональность и легитимность. Сборник трудов международной научной конференции (Саратов, 13–15 июня 2013 г.) / под ред. проф. И.Д. Невважая. Саратов, 2013. С. 348.

восприятие всегда историчного социального порядка, а равным образом права и власти в качестве наилучших из всех возможных — достаточно редкое и кратковременное явление. Абсолютная легитимность присуща только утопии. Поэтому реальная легитимность всегда относительна. Это можно обосновать тем, что требования, образующие структуру легитимного порядка, не лишены определенных недостатков. В частности, если это правовые требования, то они могут находиться в состоянии дисбаланса (коллизия, противоречие между нормами или их несоответствие друг другу), что создает правовую неопределенность и приводит к неустойчивому характеру социальной реальности. Поэтому возникает достаточно сложный вопрос о том, в какой мере социальный порядок, а также правовой порядок может быть признан легитимным и какова критическая масса социальных и правовых субъектов, принятие которыми существующего порядка дает основание говорить об их легитимности. Думается, что это вопрос, более относящийся к социологии права. Однако его постановка является немаловажной и для философии права, поскольку без этого философско-правовые рассуждения могут оказаться оторванными от живой реальности.

Другим аспектом философско-правовой рефлексии выступает анализ общего состояния важнейшего условия легитимности — процессов в ценностном сознании. Разумеется, если происходит деформация ценностного содержания личной и общественной жизни, т.е. когда происходит распад ценностного сознания, использование понятия легитимности как онтологического и оценочного понятия становится излишним. Это относится в том числе и к понятию «легитимность права», отражающему как ситуацию признанности права в качестве разумной, справедливой и оправданной сферы социального бытия, так и выступающему ключом к пониманию легитимности политической власти. Вместе с тем *основания легитимности права представляют собой самостоятельную философско-правовую проблему.*

Модернизация содержательного наполнения понятия легитимности, свой вклад в которое может внести философия права, особенно значима для эпохи глобализации, которая, как уже отмечалось, сопровождается всеобъемлющим кризисом легитимности, одним из проявлений которого выступает фрагментация феномена легитимности вследствие фрагментации механизмов легитимации, связанных с разными плоскостями бытия легитимности, например, легитимности власти, легитимности религии, легитимности моральных установок и т.д. Представляется, что предельным следствием ослабления «собранности» легитимности является не столько ее вхождение в стадию постоянного кризиса, сколько жизнь «по ту сторону легитимности».

Дело в том, что глобализация, вовлекающая в свои процессы разные общественные отношения, сопровождается резкими изменениями и отходом от привычных стереотипов и установок. Как следствие, возникает множество новых, вполне нетрадиционных отношений, сквозь призму которых нечто уже ранее устоявшееся и стереотипное воспринимается как на национальном, так и международном уровне в качестве непривычного и... нелегитимного. Например, Дж. Кохен указывает на проблематизацию суверенитета государства в эпоху глобализации⁶. Аналогичную мысль, но уже в отношении понимания и восприятия демократии высказывает К. Крауч. С его точки зрения, мобилизация на современной политической сцене новых идентичностей бросает вызов традиционным представлениям о том, что есть демократия, а что является ее отрицанием⁷. Более того, в условиях формирования транснациональных сообществ лояльность граждан начинает адресоваться не государству, а ТНК, международным организациям, наднациональной бюрократии, «сообществам идентичностей»⁸.

Представляется, что наиболее впечатляющие и чрезвычайные проявления эрозии легитимности — это сомнения в обоснованности базовых идеологических и нормативных конструкций общества, включая мировое сообщество. Названный кризис имеет прямое отношение к напряженности в правовом порядке общества и тем самым открывает пространство для критической работы философской рефлексии. Этот факт вновь подтверждает актуальность философско-правовой рефлексии, нацеленной на утверждение релевантных моделей легитимации социального порядка, а также легитимации правового порядка общества. С нашей точки зрения, данное видение представляет собой конкретизацию применительно к философии права той политики философии, которая в настоящее время стоит перед новыми вызовами и характеризуется В. Подорогой как реализация призванности к тому, чтобы служить методологической основой для глобальной «переоценки всех ценностей»⁹.

В том случае, когда говорится о кризисе доверия, например, к тем или иным социальным институтам и нормам, в том числе к действиям органов государственной власти, то это означает кризис легитимности. Причем кризис легитимности следует понимать в буквальном смысле — не как исчезновение доверия и признания, а именно как постановку под сомнение самого существования данных институтов. Ясно, что в этих условиях говорить об эффективности их функционирования не приходится.

⁶ Cohen J.L. Globalization and Sovereignty. Rethinking Legality, Legitimacy, and Constitutionalism. Cambridge, 2012.

⁷ Крауч К. Пост-демократия. М., 2010. С. 145.

⁸ Малахов В.С. Государство в условиях глобализации. М., 2007. С. 187–189.

⁹ Подорога В. Апология политического. М., 2010. С. 18.

Кризис легитимности нельзя однозначно определить как положительное или отрицательное явление. С нашей точки зрения, это скорее пауза, которая содержит как продуктивные моменты, например, переход к новым моделям легитимности, так и негативные — затруднения в функционировании личности и общества в ситуации «нескладывающейся» легитимности. Как думается, кризис легитимности связан прежде всего с повсеместным распространением духа свободы и с приверженностью идее свободы — экономической, культурной, политической, личностной. Свобода стала элементом современного образа жизни, и любое ее ограничение рассматривается как посягательство на «святая святых».

С точки зрения обострения чувства свободы многое видится и рассматривается как препятствующее утверждению воли к свободе, ныне не знающей границ и приводящей к усилению духа критицизма. Как точно отмечает Д. Дзоло, повышение дифференциации и колоссальное распространение мобильности, знаний и возможностей для нового опыта, происходящее благодаря технологическим новшествам, резко обостряет потребность в функциональной свободе и личной независимости. Однако именно жажда негативной свободы («свободы от» — М.Ш.) сопровождается отходом от политического консенсуализма и традиционных форм социальной организации. В результате образуется эрозия публичного измерения социальной жизни и личной независимости. Как итог, сверхсложная социальная система с трудом поддается управлению¹⁰.

Данное недоверие распространяется и на право, которое сегодня стало чрезвычайно сложной и запутанной системой, зачастую характеризующей дисбалансами и противоречиями. Мы не будем подробно останавливаться на критике современного права, ибо данная критика небезосновательна и хорошо известна. Как отмечает В. Лафитский, сегодня мы сталкиваемся с феноменом технократического права, создаваемого бюрократами. В результате право перестает отражать общие принципы права. Правовая реальность распадается на отдельные фрагменты, «где каждая из норм выступает как самодостаточная»¹¹. Вполне понятно, что достаточно выразительно отмеченное качество современного права, соответственно представленное качеством его форм/источников, не работает на утверждение его легитимности. Более того, оно воспринимается в качестве начала, сдерживающего свободу и «пленяющего», «сковывающего» спонтанный жизненный процесс. В результате можно говорить о новой странице отчуждения человека и права, а также о новой фазе правового нигилизма.

¹⁰ Дзоло Д. Демократия и сложность: реалистический подход. М., 2010. С. 311–312.

¹¹ Лафитский В.И. Сравнительное правоведение в образах права. М., 2011. Т. 2. С. 408.

В условиях глобализации ввиду нарастания бифуркационности и флуктуационности социального порядка и отношений в сфере культуры порядок общества приобретает небывалую гибкость и динамизм. Это одно из следствий глобальных перемен, создающих новые социокультурные условия для права¹².

Если исходить из доктринальной конструкции права как формы свободы, то в новых условиях актуализируется вопрос о правомерности ограничений свободы, что позволяет вывести на новый уровень традиционный вопрос о соотношении права и свободы. Однако как определить степень легитимности самой свободы? Как свобода может быть установлена в качестве основы легитимности социального порядка? На фоне этих концептуальных вопросов именно право выступает (должно выступать) в качестве глубинной и системной платформы легитимации социального порядка, оформляющей, а не столько сдерживающей ее индикативный критерий, а именно свободу. Кратко говоря, в современных условиях актуализируется вопрос об обосновании права и его идеи, разумеется, на новой концептуальной и методологической основе. Без этого трудно представить содержательное наполнение принципа верховенств права.

Этот вывод свидетельствует о том, что легитимность как понятие, отражающее представление о правильности, не может быть отброшена, поскольку она является условием социальной организованной жизни в формате социального порядка не только на уровне государств, но и на уровне мирового сообщества. Аналогично можно утверждать, что в рамках легитимности социального порядка важны все формы легитимности и особенно — правовая легитимность, точнее — легитимность права, придающая социальному порядку формальную структурированность, приемлемость и обоснованность. Вместе с тем *право, как инструмент легитимации и мерило легитимности большого круга общественных отношений, само должно быть легитимным*. В этом случае следует говорить о феномене *легитимности права*, который со всей необходимостью является предметом самостоятельного анализа.

О существовании проблематики легитимности права может свидетельствовать не только широкое распространение в последнее время термина «легитимность права», но и формирование целого ряда теоретических подходов, например, ценностного и процедурного¹³. Термин

¹² См.: Зорькин В.Д. Право в условиях глобальных перемен. М., 2012.

¹³ Wheatly S. The Democratic Legitimacy of International Law. Portland: Hart Publishing, 2010. P. 11–14; Murphy K., Tyler T.R., Curtis A. Nurturing Regulatory Compliance: Is Procedural Justice Effective When People Question the Legitimacy of Law? // Regulation & Governance, 2009. Vol. 3(1). P. 1–26; Sadurski, W. Law's Legitimacy and 'Democracy-Plus' // Oxford Journal of Legal Stud-

легитимность права в контексте фундаментальной проблемы подчинения праву и места последнего в жизни общества и человека, несомненно, стал широко распространенным и в блогосфере¹⁴. Однако, на наш взгляд, данные констатации еще не означают того, что данное понятие приобрело системный концептуальный статус. Поэтому концептуализация легитимности права как системного явления, безусловно, может быть отнесена к одному из перспективных направлений работы современной философии права. Это требует четких представлений об эвристических возможностях, связанных с формированием ее новой предметной области.

2. Феномен легитимности: особенности политико-философского и философско-правового подходов. Современная философия права находится под воздействием ситуации проблематичности легитимности и устремлена к тому, чтобы дать адекватный мировоззренческий ответ на возникшие проблемы в пределах новых маршрутов философско-правовой рефлексии. Другими словами, современная правовая философия несет ответственность за выработку концептуальных решений, которые призваны обозначить перспективы преодоления кризиса легитимности права и далее — кризиса недоверия к самой идее социального порядка и социально- и государственно-организованного общества. Более того, философия права сама выступает значимым компонентом процесса легитимации, что предопределяет углубление ее рефлексии относительно феноменов легитимности и легитимации.

Отмеченные обстоятельства свидетельствуют о том, что происходит процесс проблематизации политико-центрированного дизайна понятия легитимности, нередко приводящего к его отождествлению с понятием легальности. Вместе с тем надо учитывать, что не во всех случаях легальность, т. е. соответствие власти различным конститутивным нормам права, в том числе процедурным, тождественна ее легитимности. Поэтому в целях использования данного понятия как средства описания процессов, происходящих в социальном порядке общества, возникает отмеченная выше потребность вернуть к жизни более широкое понимание легитимности, существующей как в юридическом, так и метаюридическом аспектах. Напомним, что в наиболее обобщен-

ном виде под ней следует понимать системное отношение к наиболее существенным сторонам и процессам культурной и социальной жизни сквозь призму признания, доверия и одобрения.

Легитимность является темой как политической, так и равным образом правовой философии. Первая воспринимает легитимность и легитимизацию в качестве характеристики политической ситуации и политического процесса, основанных на праве и легальных процедурах. Необходимо признать, что данная философия, действительно, широко осветила содержание феномена легитимности и сформировала массивный блок научных изысканий (F. Barnard, D. Beetham, K. Binmore, A. Buchanan, J. Cohen, J. Hampton, S. Hershovit, B. Manin, F. Peter, P. Riley, J. Waldron, Ch. Wellman).

Разумеется, в политической философии и политических науках легитимность понимается различным образом в соответствии с многообразием политико-философских концепций, но с разумным сохранением базисных концептуальных смыслов. Легитимность обычно представляется как принятие власти населением, признание ее авторитета и согласия с последней как с «правительственным режимом». В итоге легитимность представляет собой ситуацию, когда граждане или подданные добровольно исполняют обязанность подчинения решениям власти¹⁵. Принуждение в этом случае приобретает легитимную природу. Отмеченное широкомасштабное продумывание отмеченного ракурса легитимности подчас создает впечатление, что легитимность как некое исследовательское поле более близка политической философии, нежели философии права. Тем не менее, последняя, также используя понятие легитимности власти, в силу своей дисциплинарной самостоятельности не может быть зависима от концептуальных решений в политической философии, которая сама часто обращается к правовому дискурсу как контексту своих размышлений.

Конечно, различие между философией права и политической философией не является абсолютным. Поэтому феномен легитимности власти и, в конечном счете, легитимности социального порядка находится на пересечении политической и правовой философии. Однако надо признать, феномен легитимности права — это преимущественное поле именно философско-правовых исследований.

В этом свете появляется необходимость обратиться к разъяснению различий между под-

ies, 2006. Vol. 26 (2). P. 377–409; Brook, T. The Legitimacy of Law in Literature: the Case of Albion W. Tourgée // *Elon Law Review*, 2012. Vol. 5(1). P. 170–198; Joerges, Ch. On the Legitimacy of Europeanising Europe's Private Law. *European University Institute*, 2003; Dyzenhaus D. Hobbes and the Legitimacy of Law // *Law and Philosophy*, 2001. Vol. 2 (5). P. 461–498.

¹⁴ Johari Z.K. The Legitimacy of Law (May 04, 2012). Available at: <http://blog.limkitsiang.com/2012/05/04/the-legitimacy-of-law/>; Legitimacy of Laws Democrats vs Tyrants (September 29, 2012). Available at: <http://kplulawandsociety.wordpress.com/2012/09/29/legitimacy-of-laws-democrats-vs-tyrants/>.

¹⁵ Jackson J., Bradford B., Hough M., Mihil A., Quinton P., Tyler T. Why Do People Comply with the Law? Legitimacy and the Influence of Legal Institutions // *British Journal of Criminology*, 2012. Vol. 52(6). P. 1051–1071; Tyler T.R. Why People Obey the Law. Princeton: Princeton University Press, 2006; Wellman, Ch., Simmons, J. (eds.) Is There a Duty to Obey the Law? Cambridge: Cambridge University Press, 2005; Edmundson, W.A. (ed.) The Duty to Obey the Law: Selected Philosophical Readings, Oxford: Rowman&Littlefield, 1999.

ходами политической и правовой философии к феномену легитимности. Политическая философия, разрабатывая концепции легитимности, хорошо осведомлена об импликациях философско-правового характера и включает отсылки к ним. В силу прозрачности предметных границ между политической и правовой философией следует предположить существование интегрированной политико-правовой теории легитимности, представленной множеством концепций. При этом надо помнить, что понимание феномена легитимности, его исторических форм и источников находится также в сфере моральной философии. Это ведет к признанию необходимости координации усилий политической, моральной и правовой философии.

Ввиду того, что право связано с властью, философско-правовая концептуализация легитимности, безусловно, охватывает отношение между правом и властью. Последняя посредством легальных процедур интегрируется в правовой порядок общества, становясь легитимной властью и далее подтверждая незыблемость общественного порядка. Как указывал М. Вебер, легальные процедуры позволяют нам ассоциировать и принимать власть в качестве политической власти, обладающей узаконенными основаниями принуждения. Одновременно с этим законная власть есть развивающаяся опора права: она призвана обеспечивать не только продуцирование правовых норм, но и их соблюдение, будучи, в идеале, подчинена праву.

В этом контексте становится понятным, что доверие к праву определяется доверием к действиям всех ветвей власти. Таким образом, философия права начинает работу по концептуализации феномена легитимности, главным образом легитимности права, с видения законной власти в качестве необходимого условия механизма реализации права и его бытия в целом. Наиболее интересными для философии права, с нашей точки зрения, являются судебная и законодательная власть, нежели власть исполнительная, которая более интересна политической философии. В том случае, если законодательная и судебная власть оказываются «перенесенными» в поток философско-правовых размышлений, то сюда же переносятся и процедурные аспекты их активности, являющиеся неотъемлемой частью легитимности права. В качестве аналогии можно привести концепцию политической легитимности Д. Эстланда¹⁶. Данный автор рассматривает политическую легитимность власти как чисто процедурную легитимность, вместе с тем не сводимую только к осуществлению независимых процедурных стандартов.

Действия властей, которые претендуют на оценку в рамках философско-правового осмысления в качестве легитимных, должны быть живой картиной всего правового, правильного, должного, справедливого и законного. Вследствие того, что право означает господство правового начала, власть должна существовать для претворения данного господства. Однако и сама легитимность права, будучи во многом априорной, предполагает соответствующее функционирование законодательной и судебной власти, не говоря уже о функционировании исполнительной власти. Поэтому философия права не может не включить в круг своей рефлексии концептуализацию роли процедурных моментов существования власти не только для формирования легитимности власти, но и для утверждения легитимности права.

Легитимация власти, благодаря правовым процедурам легализации, представляет собой центральную предметную значимость для политической теории легитимности. Поэтому политическая философия концентрируется на данной теме, принимая во внимание важность права именно как процедурного аспекта власти. Но философия права анализирует данную ситуацию в другом разрезе. Здесь подразумевается центральное значение именно легитимности права как его признанности и принятости гражданами в качестве правовой, истинной и справедливой реальности, а также в качестве правового фундамента истинного и справедливого социального порядка.

Обсуждение легитимности власти в аспекте предлагаемого акцентирования легитимности права имеет важные последствия. Дело в том, что глобализация сопровождается такой тенденцией, как расширение воли к власти. Возникновение открытых пространств порождает особые конфигурации властеотношений. Происходящее усложнение понимания феномена власти коррелирует также с ценностной дезинтеграцией общества. Как правильно отмечает С. Льюкс, «само определение власти, а также любое использование такого определения, коль скоро оно имеется, неразрывно связано с существующей (возможно, непризнанной) системой ценностных представлений, которые предопределяют сферу ее эмпирического применения»¹⁷. Как следствие, проблема легитимности власти в условиях глобализации проявляется в новом ракурсе, что приводит к формированию нового среза осмысления соотношения власти, с одной стороны, и права — с другой, являющегося эталоном признания или непризнания власти в качестве легитимной. В круг кризиса легитимности социального порядка попадает и власть, «расползающаяся» в условиях глобализации и приобретающая новые, более усложненные формы. В этих условиях именно право актуализи-

¹⁶ Estlund D.M. Democratic Authority: A Philosophical Framework. Princeton, 2008. P. 108.

¹⁷ Льюкс С. Власть: Радикальный взгляд. М., 2010. С. 48.

руется в качестве основы признания легитимности как свободы, так и власти, являющихся своего рода противоположными явлениями человеческой жизни. Более того, право видится в качестве мерила признания разных сторон социального порядка в качестве легитимных и нелегитимных. Указанные оценочные процедуры реализуются на концептуальном уровне и осуществляются в рамках философско-правового дискурса.

Все сказанное означает, что философия права приходит к пониманию *легитимности как центрального элемента функционирования социального порядка*. Иными словами, существует более объемный маршрут рефлексии философии права над феноменом легитимности, не сводимой к легитимности власти. Речь идет об углубленном понимании феномена легитимности права в контексте легитимности социального порядка. В этом пункте философия права пересекается с социальной философией, демонстрируя этим свою методологическую обоснованность. Также вполне очевидно, что философия права призвана главным образом сконцентрироваться на легитимности и легитимации права как *фундаментальной основе и измерении легитимности социального порядка*. Оформляющее воздействие права может быть уточнено как власть права. В обоснование данного тезиса можно сослаться на Г. Еллинека, полагавшего, что любой порядок является правопорядком в силу действительности его норм, т.е. в силу их способности влиять в качестве мотива и определять волю. «Правом первоначально считается у всякого народа то, что фактически осуществляется как таковое. Длительное осуществление соответствует норме, и с этим вместе сама норма является уже авторитетным велением общества, т.е. правовой нормой... Так как фактическое повсюду имеет психологическую тенденцию превратиться в действующее, то во всей системе права вырабатывается презумпция, что существующий социальный факт есть в то же время и правомерный, так что каждый стремящийся к изменению этого состояния должен доказать свое право на то»¹⁸.

Одновременно возникает вопрос — к какому разделу философии права относится система теоретических представлений о легитимности права? Мы полагаем, что данное понятие вполне вписывается в круг категорий онтологии права, к которым, например, Г.А. Гаджиев относит понятия правовой реальности, онтологической структуры, правовой действительности¹⁹. Вряд ли следует сомневаться и в том, что данное понятие относится — уже в качестве оценочного понятия — к такому разделу философии права, как правовая аксиология.

В соответствии с указанными методологическими координатами философия права должна стремиться рассматривать право, понятое как правовая реальность и правовой порядок, в широком социально-культурном контексте. В соответствии с таким видением легитимность права перестает быть априорной и видится как результат процедур легитимации, на предельно общем уровне осуществляющихся в пространстве философско-правовой рефлексии. Помимо этого, философия права, обосновывая идею права, работает над его *сущностной легитимацией*, показывая его значимость и необходимость для общества и личности. Одновременно такая работа философии является исторической, поскольку каждая эпоха предполагает свои требования к праву, отвечающая которым, оно становится легитимным. Поэтому нет ничего страшного в деструкции исторически отживших пластов идеи права, а также в критике существующих форм правового бытия. Однако все это должно быть вспомогательным моментом конструктивной работы по обновлению идеи права и его легитимности.

3. Философско-правовое обоснование феномена легитимности права. В наиболее общем виде о легитимности права представляется возможным говорить, как о достоинстве его принципов, правил и институтов. Аналогично можно рассуждать и о легитимности политических институтов, политических действий и решений. Однако при этом надо иметь в виду, что право есть исходная, а власть — производная реальность, существующая в качестве важного инструмента, который должен быть легализован, т.е. интегрирован в право. В результате власть, с точки зрения идеи господства права, есть «проводник» права через создание законодательства как позитивной формы права, не редуцируемой, как известно, к праву в целом.

Описанные детали имеют принципиальное значение для современной теории легитимности, развиваемой философией права, объясняющей специфику понимания легальности и легитимности на политическом и правовом уровне. Расхождения в понимании подтверждают одну регулярность, связанную с тем, что в политическом аспекте действия правительства могут быть легальными, не будучи легитимными, и наоборот. Возможна ситуативная оппозиция того факта, когда правительственные действия являются легитимными, не будучи легальными. Легальность представляет собой корреляцию с правовыми правилами и процедурами; легитимность же, в соответствии с ее правовым смыслом, представляет собой корреляцию принципам и ценностям права, но не только. Поскольку мораль является более глубоким обоснованием легитимности социального порядка, то только что отмеченный случай легитимности без легальности обладает

¹⁸ Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб., 1903. С. 222.

¹⁹ Гаджиев Г.А. Онтология права: (критическое исследование юридического концепта действительности). М., 2014. С. 11.

преимущественно моральной природой. Право, основываясь на морали, призвано разрешить коллизию между легитимностью и легальностью посредством выработки соответствующих правовых процедур.

Обсуждаемые особенности феномена легитимности могут быть соотнесены с концепцией легитимности А. Башанана, в которой защищается морализированная версия легитимности²⁰. Он указывает, что действующая политическая власть обладает политической легитимностью, если только она морально оправдана. Таким образом, оправданная власть оказывается приемлемой для людей. Но, как подчеркивает А. Симмонс, это обстоятельство является необходимым, но недостаточным для политической легитимности²¹. Со своей стороны мы полагаем, что моральная оправданность власти нуждается в дополнении легальными процедурами, которые способны оформить обязательства граждан повиноваться распоряжениям правительства в соответствии с более универсальной основой общего и индивидуального согласия поступать именно таким образом.

Думается, что разрешение диссонанса между легальностью и легитимностью власти предполагает учет моральной нагруженности принципов права, находящихся в основе правовых правил и процедур. Как результат такого подхода — политическая власть должна быть легальной и легитимной, что представляет собой существенное условие легитимности правовых правил, производных от власти. Только в этом случае она представляет собой стража легитимности права и легитимности правового порядка в общем. Другим стражем выступают граждане. Их следование праву является центральным барьером для незаконных импульсов власти.

Возможности философии права по исследованию феномена легитимности связаны с несомненным потенциалом философской рефлексии в понимании изначального смысла легитимности как *результата признания и принятия чего-то и кого-то в качестве правового и истинного*, что тесно связано с выделяемой У. Кимликой вслед за Дж. Ролзом некой интуицией правильного и неправильного²². Широкое определение легитимности позволяет с предельной абстракцией осуществить максимальное «схватывание» субстанции легитимности, которая вдохновляет работу философской мысли. Во всеобъемлющей философской перспективе легитимность является синонимом кластера таких оценочных по-

нятий, как правое, истинное и справедливое. Система оценок охватывает моральную, политическую, экономическую и правовую сферы общества. Термины «легитимность», «легитимация», «легитимизация» не должны пониматься в качестве простых коннотаций. Поэтому хотелось бы предложить дефиницию легитимности как системного единства этих оценок. В итоге данного методологического подхода легитимность в более конкретизированных формах предусматривает легальность и моральность.

Как следует определять легитимность права? Для правовой философии важно, во-первых, осветить легитимность как результат признания и принятия социального порядка, социального процесса и различных аспектов человеческой жизни, которые корреспондировали бы правовым установлениям. Корреспондирование позволяет оценить социальный порядок как правый и истинный во всех отношениях. Во-вторых, правовая философия далее не может не исследовать основания, которые легитимизируют само право. Вероятно, это принципиальная часть ее миссии. С одной стороны, философия права оценивает социальные процессы через линзу права и легального нормативного порядка. С другой — она призвана обдумывать легитимность права как основания легитимности социального порядка.

В этом контексте хотелось бы подчеркнуть синхронность дескриптивного (описательного) и прескриптивного (нормативного) характера концепции легитимности права. В частности, легитимность как исходный горизонт социального порядка проистекает из активности процедурных механизмов, включающих правила признания и принятия человеком и группами различных сторон социального бытия. Такие правила могут быть политическими, моральными и, несомненно, правовыми. Последние, а именно правовые, более надежны, чем другие для регулирования и оценки различных сфер общества. Примечательно, что право содействует легитимности социального порядка, будучи компонентом последнего. В этой связи сфера права должна быть рассмотрена как одна из подсистем легитимности, то есть легитимности социального порядка. Это подразумевает возрастание веса рефлексии философии права над правовой легитимностью социального порядка, включающего моральный, религиозный, политический и правовой порядок.

Философия права исторически связана с теорией права, разрабатывающей главным образом вопросы нормативности и валидности права и законов. Для теории права вопрос отсылки к легитимности является дериватным. В чем заключается специфика позиции философии права? Это может быть понято в сравнении с подходом теории права. В частности, правовой нормативизм, будучи влиятельным трендом в теории

²⁰ Buchanan A. Political Legitimacy and Democracy // *Ethics*, 2002. Vol. 112 (4). P. 689.

²¹ Simmons A. *Justification and Legitimacy: Essays on Rights and Obligations*. Cambridge, 2011. P. 137.

²² Кимлика У. Современная политическая философия: введение. М., 2010. С. 22.

права, принижает значимость проблемы легитимности. Теория права, представленная нормативизмом, как аргументированно подчеркивает Д. Прил, склоняется к редукции специфики легальных нюансов легитимности, принимая во внимание ее в качестве скорее политического, чем правового феномена²³.

Эта позиция может быть объяснена интересом нормативизма к утверждению видения права именно как системы достоверных и реальных норм. Однако теория права в определенной степени не отвергает проблему легитимности в целом. Как видится, в философской перспективе легитимность, безусловно, опирается на нормативность. В свою очередь легальность как момент легитимности социального порядка и легитимность права в широком смысле не возможны без режима нормативности. Действительно, существование наложений и пересечений легитимности и нормативности является очевидным. Для теории права тем не менее различие между первым и вторым является сомнительным. Харт, например, не концентрировался на этой проблеме, преимущественно уделяя внимание природе требований права и природе обязательств подчиняться законам. Различие между легитимностью и нормативностью имеет философскую почву. В моральной и политической философии, например, термин легитимность в отношении к власти часто трактуется как нормативный статус, предоставленный институтам управления со стороны граждан.

Если говорить о подходе современной российской теории права к феномену легитимности права, то для нее характерен анализ данного явления в системе координат, в которые входят такие понятия, как «законность», «законодательство» и «легализация». В целях демонстрации различий теоретико-правового и философско-правового подхода позволим себе привести взгляды А.Б. Лисюткина. С его точки зрения, «легитимность, в отличие от легализации, фиксирует единство материальной и формальной сторон признания государства и права легитимными. Материальность легитимности власти и права достигаются за счет легализации, а правомерность результатов действия власти и права обеспечивается посредством требования соблюдения создаваемых юридических предписаний. Следовательно, легитимность охватывает как легальность действия власти и права, так и их формальные основания функционирования — законность... Иначе говоря, легитимность представляет собой единство материальных и формальных процессов приобретения суверенности государственной власти и

законности создаваемых ею норм права как всеобщей меры оценки правомерности»²⁴. Вполне понятно, что философско-правовые рассуждения о природе легитимности права являются более объемными и не могут вписаться в контуры формулы «легитимность=легализация + законность».

Философия права обладает богатым наследием по концептуальному обоснованию легитимности и легитимации. Подчас мы можем видеть горячую дискуссию о природе этих феноменов. Бесспорно, современная философия права вполне созрела для понимания двойственного характера рефлексии над отмеченными феноменами. С одной стороны, они подвергаются внимательному изучению в процессе их анализа с точки зрения разных теоретических позиций. С другой стороны, философское изучение легитимности и легитимации выступает как самостоятельное тематическое направление работы философско-правовой мысли. Первый случай подтверждается историей философии права. Второй является значимым для достижения понимания роли философии права в современном обществе. Все это предоставляет возможность отвести философию права от подозрения в снижении ее роли в обосновании новой — широкой — парадигмы легитимности.

При этом существует некоторое основание для акцентирования недостатка поддержания тесной связи между обоснованием легитимности философией права в историческом аспекте и современными усилиями по детализации легитимности. Прочные нити, несомненно, способствовали бы возрастанию ресурсов философии права. Однако современная философия права призвана решить новые проблемы легитимности, не существовавшие ранее. Они вызваны глобализацией права, сопровождаемой новым горизонтом правового регулирования, требующего новых подходов к оправданию права. Существенно, что философия права должна решить проблемы сущности и смысла права в исторически новой ситуации существования социума.

Новые условия развития общества и права приводят к изначальному философскому вопросу о том, почему существует легитимность. Этот феномен является коренным условием индивидуальной и социальной жизни. Он детерминирует структуру социального порядка, для которого легитимность, как было показано выше, является атрибутивной. Легитимность может восприниматься в качестве признания и согласия с существующим социальным порядком. Это прочно встраивается в мотивы, цели и интересы реальных человеческих действий, намеренно следующих социальным требованиям, зачастую облекающимся в форму правовых требований, или требований закона.

²³ Priel D. The Significance of Legitimacy to Legal Theory. P. 10–18. Available at: URL: http://www.law.ed.ac.uk/legal-theory/files/Priel_The%20Significance%20of%20Legitimacy%20to%20legal%20theory.pdf.

²⁴ Лисюткин А.Б. К вопросу о природе легитимности в юридической науке и практике // Правовая культура. 2014. № 2 (17). С. 13.

Таким образом, легитимность выступает результатом легитимации как особого процесса работы формальных и неформальных процедур подведения надлежащих основ (нормативных и смысловых) под существование тех или иных социально значимых феноменов, включая власть и право. Данные процедуры должны работать эффективно, иначе социальный порядок будет подвержен эрозии. Деформация социального порядка означает снижение или исчезновение легитимности как его сущностного качества, что дезориентирует человеческое поведение и вызывает социальные конфликты и личностную депривацию.

С учетом сказанного предварительно можно подытожить, что целевые задачи философии права — энергичное обсуждение механизмов легитимации и экспликация их разрывов. Эти концептуальные действия имеют, соответственно, практический эффект. В этом случае разворачивается ее функция по обоснованию социальных норм и принципов, включая критическую позицию по отношению к ним. Вдобавок философия права должна стремиться не только к простому восстановлению существующих структур легитимности, но к выработке более адекватных концептуальных контуров последней. Ввиду многоаспектности легитимности задача философии права — концентрироваться главным образом на политическом и правовом аспектах легитимности и соответствующих процедурах. Тем не менее моральный аспект легитимности социального порядка также должен быть принят во внимание в рамках концептуализации, осуществляемой философией права.

Рассмотрение философией права моральной, политической и правовой легитимации детализируется в конкретизации легитимирующей функции данного рода философии. Несмотря на то, что философия права работает в специфической сфере осмысления права, она сохраняет максимальную высоту философской мысли. Философская мысль, проникнутая специальными философскими предпочтениями, является нормальным явлением, релевантным правовой философии. Результат этого факта представляет собой мозаику ее усилий по реконструкции социальной легитимности (легитимности социального порядка). Один из более значимых элементов такого плюрализма — специфика создания связи между аспектами социальной легитимности. Также интересно, что различие в интенциях философских усилий заключается в конструировании и деконструкции дизайнов легитимности.

Авторитет философии права базируется на скорректированном балансе не только между различными аспектами легитимности и способами их упорядочения, но также между интенциями конструкции и деконструкции. Современная

социальная философия должна быть внимательна к этому моменту в рамках своих попыток по созданию должного образа легитимности социального порядка. Дело в том, что этот образ в качестве условия плюрализма расширяет требования к новому подходу к содержанию, а также структуре легитимности социального порядка. Содержание и структура связаны с новизной в социальном порядке, потому что легитимность социального порядка находится под воздействием эволюции социальных институтов, отношений и норм, регулирующих их.

Современный социальный порядок не может быть интерпретирован в качестве абсолютно независимой реальности. Происходящие ныне сдвиги в организации социума, достаточно хорошо прослеживаемые на примере формирования сетевых социальных отношений, а также спецификации групповых интересов, поднимают вопросы относительно появления гетерономных тенденций в праве и морали. Эти тенденции, будучи связаны с постмодернистской реальностью, означают такой феномен, как моральную и правовую персональную суверенность, возрастающую благодаря развитию цифровой среды. Все это означает, что традиционные образы, например, естественного права, стали узкими для современной, а также постсовременной философии права и их теорий легитимности и легитимации. Однако философия естественного права продолжает сохранять определенную привлекательность, несмотря на факт дигитализации индивидуальной и общественной жизни. Современный человек, обладающий автономной и критической позицией, вопреки факту манипуляции сознанием, сохраняет критические позиции, в том числе в цифровой среде. В этой ситуации доктрина естественного права видится в качестве способной быть идеологической опорой должного права.

Традиционно предпринимая в историческом плане усилия по обоснованию права, философия права содействовала его легитимности в только что указанном смысле. Эти усилия следует признать неотъемлемой частью механизма легитимации права на предельном глубоком уровне идеологического правового сознания. С предельной четкостью философия права применительно к каждой исторической эпохе стремится найти и зафиксировать смысловую и ценностную основу права как правового бытия человека и общества. Одновременно это определяет некий новый подход к праву — не просто как к нормативной системе, а как нормативной системе, которая легитимирует многочисленные явления социокультурной жизни не только как правомерные и неправомерные, но как легитимные (правильные, истинные) и нелегитимные (неправильные, неистинные). Тем самым право оказывает поддержку важнейшей структуре, которая определяет

развитие общества посредством подразделения последнего на реальность сущего и реальность должного. Данный подход суть обновление концепции ценности права, которая уточняет содержание его ценностного звучания.

Право в значительной степени представляет собой огромную часть социальных норм, которая обеспечивает стабильность социального порядка. Следует ли подвергать право самостоятельной оценке по упомянутым критериям правильности и неправильности? Необходимость этого могла бы быть аргументирована тем, что достижение прочной легитимности предполагает критическое рассмотрение состоятельности права. Это тезис проистекает из презумпции о том, что право — это основа для заключений о легитимности власти, но также и о легитимности иных явлений и институтов. Право должно делать это объективно и беспристрастно, не формулируя окончательные суждения, но преимущественно указывая на возможность приобретения теми или иными явлениями, утратившими легитимность или вступившими в зону кризиса своей легитимности, новых контуров их признания и доверия к ним. Это подразумевает, что право, как *мерило и одновременно как регулятор, должно быть безукоризненным*. Вряд ли право может давать основания для признания власти, государства и т.д. в качестве легитимных, если авторитет самого права не велик. В последнем случае формально-правовая легитимация социальных явлений будет зыбкой и неуверенной.

4. Легитимность права в фокусе широко-го подхода к праву. Легитимность права, выступающая ключевым моментом легитимности власти, включает различные аспекты, такие как признание смысла и необходимости существования права. Это приводит к утверждению готовности подчиняться правовым правилам, в том числе исходящим от власти. Отличительная черта права — его способность к настройке собственной легитимности и отсутствие боязни критического саморассмотрения, осуществляемого на уровне профессионального и массового правосознания. К тому же право имманентно обладает способностью к самоудвоению в форме разных плоскостей, одна из которых становится мерилем другой. Право включает в себя фундаментальные идеи, принципы, которые позволяют оценить действующее право. На наш взгляд, данный блок обладает исконной и неопровержимой легитимностью, однако его историческое наполнение в позитивном праве предполагает эволюцию его смыслов.

Не вызывает сомнения, что главное обоснование права как легитимного права заключается в его совместимости с социальными ценностями, что тем не менее подразумевает очень сложную теоретическую тему. Пока же можно исходить

из признания эвристики этого тезиса. В соответствии с подходом В. Садурски, предприняющего критическое исследование «демократии без ценностей», формула «демократия-плюс», ставит под сомнение теоретическую модель «демократии без ценностей». Ценностный же подход предполагает, что право, для того чтобы быть легитимным, должно воплощать определенные субстанциональные ценности²⁵.

Группа авторов во главе с известным философом права Т. Тайлером разделяет и детализирует ценностный подход в отношении к законам и правилам. Ими утверждается, что правила и законы приобретают легитимный характер, когда они совместимы с моральными ценностями при одновременной совместимости личностных ценностей с правом. Отсюда ценности должны совпадать с правом. Господство же в обществе противоположных систем ценностей может подрывать право²⁶. В некотором смысле сказанное может быть распространено на легитимность права в целом. Ценностно ориентированный подход к обоснованию легитимности права проистекает из сосредоточения на природе и содержании ценностей, которые могут быть основой для оценки права и законов в отношении их легитимности или нелегитимности. Однако ценности не являются абсолютной точкой отсчета из-за их исторической и групповой изменчивости, тем более что система ценностных предпочтений существенным образом усложняется в эпоху глобализации. В свете последнего обстоятельства ценностный релятивизм делает легитимность права очень проблематичной, как никогда ранее.

Акцентированный взгляд предоставляет возможность для детализации содержательных границ ценностного подхода к легитимности. С этой целью обратимся к широко распространенной концепции процедурной справедливости, затрагивающей справедливость и транспарентность процессов, посредством которых принимаются решения и совершаются действия. Примечательно, что концепция процедурной справедливости распространяется сегодня на органы судебной власти²⁷ и полиции²⁸, что означает возникновение нового предметного поля для теории легитимности. Рассматриваемый подход — достаточно привлекательная схема, описывающая феномен леги-

²⁵ Sadurski, W. Law's Legitimacy and 'Democracy-Plus' // Oxford Journal of Legal Studies, 2006. Vol. 26 (2). P. 379.

²⁶ Murphy K., Tyler T.R., Curtis A. Nurturing Regulatory Compliance: Is Procedural Justice Effective When People Question the Legitimacy of Law? // Regulation & Governance, 2006. Vol. 3 (1). P. 3.

²⁷ Gribnau J.L.M. Legitimacy of the Judiciary // Electronic Journal of Comparative Law, 2002. Vol. 6 (4). P. 26–46.

²⁸ Kochel T.R. Can Police Legitimacy Promote Collective Efficacy? // Justice Quarterly, 2011. Vol. 29 (3). P. 384–419; Smith D.J. New Challenges to Police Legitimacy, in Henry A., Smith D.J. (eds.) Transformations of Policing. Burlington: Ashgate, 2007. P. 273–306.

тимности именно как легитимность власти, так и, в принципе, легитимность права.

Процедурная справедливость имеет много аспектов и в конденсированной форме, будучи объяснена Дж. Ролзом, стала солидным подходом к описанию тесно связанных между собой феноменов легитимности власти и легитимности права²⁹. Однако, зачастую этот подход часто лишен некоторых важных моментов. Как отметил К. Марфи, теория процедурной справедливости акцентирована на том, как люди воспринимают легитимность властей, но в то же время игнорирует то, как люди могут воспринимать легитимность законов и правил. Действительно, теория процедурной справедливости затемняет то, почему и на какой основе процедуры, придающие легитимность власти, сами являются легитимными. Нет сомнения, что процедурная справедливость является релевантной для приведения поведения в соответствие с требованиями власти и делает возможной подчинение праву. В то же время правовые процедуры должны иметь глубокое обоснование для того, чтобы быть почвой для принятия решений и совершения действий. С учетом высказанных соображений ценностный подход предоставляет возможность пролить свет на достаточно неясную основу правильности легальных процедур, следование которым придает решениям и действиям людей и властей правовой характер. Концепция процедурной справедливости придает особое внимание следованию формальным процедурам в аспекте формальных целей, но не ценностей, которые не подлежат полной формализации.

Если исходить исключительно из концепции процедурной справедливости³⁰, то недостаточно понятно, являются ли требования власти «говорящим законом» или средством для правления права. Такая модель легитимности, как процедурная справедливость, хороша для объяснения поведенческих аспектов в рамках социального порядка, но не для широкого видения его легитимности и легитимности права, понятого не как совокупность легальных правил, а как правовой универсум человеческого бытия. Именно в рамках последней позиции граждане как субъекты права могут вопрошать относительно легитимности материальных и процедурных правил, на-

ходящихся в основе легитимности власти. В том случае, если законы и право нелегитимны, то это автоматически ведет к нелегитимности действий и решений ветвей власти.

Когда мы говорим о легитимности права, мы должны отдавать отчет о предмете данной теоретической конструкции. Понятие легитимности приложимо к тому, что называют действующим, или позитивным правом, а также вполне приложимо к тому, что именуется правовым порядком, являющимся результатом правового воздействия. Аналогично легитимации права, правовой порядок (правовой порядок общества) также должен подвергаться легитимации. Благодаря этому становится возможной легитимность социального порядка в целом. Легитимность правового порядка, являющаяся одним из сюжетов историко-философской мысли³¹, является весьма существенной для нормального и устойчивого функционирования гражданского общества и государства, а также их институтов. Поэтому в общем плане легитимность является духовной и прагматической ценностью.

Трудно и даже невозможно настаивать на несправедливости и несвободе как фундаментальных основах социального порядка. Несмотря на то, что идеи свободы, справедливости и равенства всегда следует гармонизировать по причине существующей напряженности между ними, они задают предельный горизонт индивидуального и общественного существования, воплощавшегося и воплощающегося в разной степени в правовом порядке общества как существенном измерении последних. Описываемый априорный блок, составляющий естественное право, осуществлял и продолжает осуществлять настройку позитивного права. Разумеется, возникающие паузы в такой настройке сопровождаются кризисами легитимности права и наряду с этим — кризисами правовой легитимности тех или иных общественных явлений, а, в конечном счете, и кризисами всей машинерии легитимности.

Итак, наличие указанного априорного (и даже трансцендентального ядра в духе неокантианской философии права) — условие легитимности права. Но данное ядро, в свою очередь, должно подлежать оправданию, защите, модернизации. Все это открывает новые предметные поля для философии права, призванной к осмыслению необходимых сдвигов в содержательной ткани права и его легитимации. Более того, философия права — центральный пункт легитимации права, понятой как его теоретическое и мировоззренческое обоснование. Эти усилия существенно расширяют функции философии права в современном мире. Таким образом, фи-

²⁹ May L., Morrow P. *Procedural Justice*. Burlington, 2012; Tyler T.R. (ed.) *Procedural Justice*, Burlington, 2005; Röhl K.F., Machura S. *Procedural Justice*. Burlington, 1997.

³⁰ Smith D.J. *The Foundations of Legitimacy in Tyler T.R. (ed.) Legitimacy and Criminal Justice: International Perspectives*. New York: Russell Sage Foundation, 2007. P. 31–32; См также: Bottoms A., Tankebe J. *Beyond Procedural Justice: A Dialogic Approach to Legitimacy in Criminal Justice // The Journal of Criminal Law & Criminology*, 2012. Vol. 102(1). P. 119–170; May L., Morrow P. *Procedural Justice*. Burlington: Ashgate, 2012; Tyler T.R. (ed.) *Procedural Justice*, Burlington: Ashgate, 2005. Vol I, II; Röhl K.F., Machura S. *Procedural Justice*. Burlington: Ashgate, 1997; May L., Morrow P. *Procedural Justice*. Burlington, 2012.

³¹ Conkin W.E. *Hegel's Laws: The Legitimacy of a Modern Legal Order*. Stanford, 2008.

лософия права не просто изучает легитимацию и делегитимацию общественных явлений в аспекте легитимации и делегитимации права, но выполняет функцию по укреплению легитимности права, указывая не только обосновывающий его блок принципов, идей и ценностей, но и предлагает меры по совершенствованию последнего, по лучшей имплементации его в позитивное право, тем самым содействуя легитимации права в общественном сознании.

Действительно, право вряд ли будет справляться со своими задачами, если оно не будет авторитетным. Отсюда следует вопрос о системной оценке действующего права, в которую входят не только критерии его эффективности и целесообразности, но и критерии мировоззренческой обоснованности и способности соответствовать велениям времени. Более практичный аналог легитимности права — приемлемость населением. Поскольку право рассчитано на всех, то о его приемлемости можно говорить только в случае баланса интересов разных групп интересов. Это означает, что легитимность действующего права есть следствие общественного консенсуса. С другой стороны, само действующее право посредством учета групп интересов может повысить уровень своей легитимности.

Существует обоснованная и к тому же находящая все новых и новых приверженцев позиция, которая предусматривает различие между правом и законами³². Система законов, а также их исполнение не являются самодостаточными. Законодательство и юридическая практика, другие правовые формы интегрируются в некое целое согласно неуловимой системе норм, принципов и ценностей, именуемых естественным правом. Как подчеркнуто выше, естественно-правовая риторика является сегодня достаточно условной, ибо центр человеческой жизни смещен в технологическую среду. Но естественно-правовой подход сохраняет возможности дальнейшего развития, с чем связано придание праву, понятому уже как система прагматических правил, глубинного обоснования.

Другими словами, в соответствии с естественно-правовой парадигмой право подчинено великим гуманистическим идеям. Это касается правотворчества, исполнения права, подчинения праву и свободной реализации правовых норм гражданами. Сохраняя позитивные моменты естественно-правовой традиции, необходимо указать на достаточно абстрактную позицию последней, заключающуюся в постулировании вечных и неизменных начал. Несмотря на то, что, как показывает Н.А. Бусова, утверждение исторического взгляда на природу человека и разум

подрывает позиции естественного права³³, вместе с тем данная концепция позволяет понять, что юридические нормы обосновываются в своей легитимности общеправовыми принципами, которые рассматриваются как воплощение естественного права и как бы выносятся за пределы действующего права, что, конечно же, не совсем корректно. Поэтому следует полагать, что сами общеправовые принципы, будучи все же составной частью правовой реальности, нуждаются в оправдании/легитимации в рамках более обширной смысло-ценностной системы.

В результате возникает как объемное видение права, так и объемное видение его легитимности. Однако, что представляет собой то изменение права, которое как бы изнутри придает ему легитимность? Является ли оно реальностью или презумпцией? Я считаю это измерение, задающее легитимность формальным законам, презумпцией, а более конкретно — идеологической системой, тесно связанной с правовыми верованиями и убеждениями, т.е. с духовной реальностью права. Представляется, что кризис легитимности права начался именно с принижения потребности сохранения, поддержания и развития духовно-правовых интенций. Помимо этого, вполне возможно говорить об ослаблении и даже потере этих интенций, определенных как презумпция.

В качестве выхода из данного положения может выступать возврат к обоснованию/легитимизации права не через естественно-правовую риторику, а через развитие демократических процедур и вовлечение в эти процессы как можно большего количества граждан. В частности, в этом смысле интересна концепция делиберативной демократии, основывающаяся на теории коммуникативной рациональности. Именно в актах правовой коммуникации, что называется, в живую формируются убеждения не только в легитимности действующего права, но и убеждения (верования) в необходимости такой легитимности, которая не может не иметь рациональной природы.

5. Некоторые выводы из дискуссии о рациональности права. С нашей точки зрения, универсум права, санкционирующий легитимность правового порядка общества, пронизан «верой в рациональность права». Эта формулировка принадлежит М. Веберу. Он полагал, что всеобщая вера в рациональность права является основанием признания политической власти в качестве рациональной в том случае, когда последняя действует согласно установленным правовым процедурам. Граждане действуют в соответствии с такой верой и уверены в рациональ-

³² Нерсесян В.С. Право и правовой закон: становление и развитие / под. ред. В.В. Лапаевой. М., 2009.

³³ Бусова Н.А. Модернизация, рациональность, право. Харьков, 2004.

ности права, которая ведет их к уверенности в подлинности содержания и применения права и принятию ими обязанности подчиняться. В этом случае мы видим триумф правовой легитимности социального порядка. Согласно позиции автора данной статьи, было бы верным утверждать также и то, что вера в рациональность права должна распространяться на все ветви власти, т. е. должна быть всеобщей. В объективном плане данной вере соответствует объективная рациональность права.

Согласно подходу М. Вебера, правовая рациональность является одной из доминантных форм среди других форм легитимности. Однако, как думается, Вебер уделял слишком чрезмерное внимание легальности власти как источнику ее легитимности. Конечно, этот факт может быть обоснован центральным значением легальной власти для правового характера социального порядка и для правовой легитимности социального порядка. Легальная власть продуцирует законы и решения, основанные на законах. От властей, создающих законы и обеспечивающих их исполнение, требуется быть легальными и обладать легитимностью. По моему мнению, правовая легальность власти все же не сводится к рациональности возвышенного универсума права. В ситуации конституционного государства граждане должны главным образом подчиняться праву и распоряжениям власти, которые не имеют независимой значимости, ибо они олицетворяют, в принципе, власть права. Власть права сопровождается интенциями приверженности праву. Эти интенции сродни с верой в право и верой в его рациональность, что в очередной раз показывает то, что верования и убеждения составляют духовную основу, оформляющую право и придающую ему такое измерение, как правовая культура.

Правовые верования и убеждения составляют фундаментальный базис легитимности социального порядка. В частности, что касается ситуации политической легитимности в демократическом обществе, то граждане верят и убеждены, что правительственные действия соответствуют конституционному мандату. Как следствие, существуют убеждения в том, что юридические правила и судебные решения являются правильными и истинными. Легальность властей, будучи помещенной в контекст доверия к ним, ведет к признанию легитимности социального порядка.

В традиционных обществах основа верований и убеждений в легальности власти покоилась на «небесных знаменьях». Во всяком случае, убеждения в отношении легальности власти являлись дополнением к верованиям и убеждениям в правильности, истинности и справедливости права, божественности. Кризис данного типа легитимности в период секуляризации сознания и общественных отношений начался с кризиса

ментальных оснований и нашел свое продолжение в процедурном кризисе. В целом история сопровождалась различными кризисами легитимности. Поэтому текущий кризис — одна из форм в серии смены парадигм легитимности, включая легитимность права. В целом генеральная линия новоевропейского сценария развития права и правосознания заключалась в тенденции к рационализации основ легитимности социального порядка, права и власти и, соответственно, в рациональном философском обосновании легитимности. Однако и здесь не обошлось без верований в презюмируемый закон природы. Иными словами, это еще раз подтверждает мысль Вебера о невозможности тотальной рационализации социального и правового порядка. Однако механистическая рациональность, проявляющаяся в ныне широко распространенных терминах «юридический механизм», «механизм правового регулирования» и прочих, как аргументированно полагал Г.В. Мальцев, свидетельствует об инерционности правового мышления и недопонимании всей сложности права³⁴. Использование образов механистической рациональности не релевантно задаче легитимации права в совершенно новых социокультурных условиях, характеризующихся инверсионностью и размыванием традиционного типа правовой субъектности человека³⁵.

Сказанное совершенно не говорит о необходимости полного отказа от рациональных ориентаций в функционировании социума и права. Критика рациональности не всегда есть критика с точки зрения иррационализма. Данная критика есть условие и преддверие смены форм рациональности, в том числе рациональности социального и правового порядка общества. А это требует учета динамики смены парадигм рациональности в философии и обществе. Вполне очевидно, что современный тип рационального понимания права не уменьшает роли верований и убеждений, существующих на уровне идеологии и ментальности в рамках правового сознания. Их рационализация является ограниченной. Полная рационализация легитимности является хрупкой по своей природе, так как в этом случае правовое сознание утрачивает элементы тех скреп, что представлены в форме правовых верований и убеждений. В противном случае ответом на тотальную рационализацию может выступить экстремальный релятивизм, анархизм и иррационализм, ведущие к затяжному кризису легитимности.

В этом свете концепция Вебера, построенная на принципе человеческой свободы и рациональности и дающая рост целому ряду институ-

³⁴ Мальцев Г.В. Социальные основания права. М., 2007. С. 64.

³⁵ Шугуров М.В. Правовая субъектность и инверсии современной культуры // Общественные науки и современность. 2005. № 1. С. 79–94.

тов легитимации, нуждается в уточнении. Забота о позитивных перспективах современной демократии побуждает к поиску новой формы демократической легитимности, опирающейся на рассмотрение людей в качестве факторов политических и правовых процессов. Это не означает, что необходимо отвергать идею рациональности, напротив, следует обсуждать ее новую парадигму. Однако в современной правовой ментальности преобладает настоятельное требование справедливости, а не рациональности. Вместе с тем современная справедливость должна быть рациональной: рациональность следует интерпретировать не как «обертку» легитимности, а как подкрепление справедливости. Баланс между рациональностью и справедливостью требует обновления правовых верований и убеждений людей. В этой перспективе, если перефразировать мысль Ю. Хабермаса, право должно отличаться не принудительностью, а легитимностью. В последнем случае, с нашей точки зрения, легитимность предполагает отсутствие отчуждения между гражданами, не всегда ориентирующимися в виду усложнения права во всех деталях правовой материи, и правом. Это достигается в том числе мерами правового просвещения и воспитания, затрагивающего не только интеллект, но и чувства.

По крайней мере, для К. Шмидта вера в исключительность рациональности правовой практики как основа легитимности была проблематичной. В противоположность Веберу он утверждал, что легитимность норм основывается на аккламации их со стороны людей³⁶. Не соглашаясь с концепцией Вебера о вере в рациональность права как главного источника легитимности, Шмидт указывал на всеобщий упадок современной рациональности как изначального источника легитимности. Пытаясь показать источник кризиса парламентской демократии, он подчеркивал, что такой кризис был вызван преобладанием веры в волю над верой в разум³⁷.

Однако всеобщий кризис рациональности, существующей в качестве фундамента легитимности, не означает провала рациональности. Вера в волю, соотношенная с ситуацией кризиса политической и правовой легитимности, представляет опасность для социальных институтов. Кроме того, вера в волю едва ли может быть фундаментом права, основанного на идее справедливости, сбалансированной, в принципе, с рациональностью. Отсюда политическая легитимность не должна искаться вне авторитета и рациональности права. В свою очередь легитимность права не должна усматриваться вне принципов

правильности, справедливости и, конечно, рациональности.

Достаточно обоснованным является подход к политической легитимности, который был разработан Ролзом, следовавшим кантовскому представлению о различии между легитимностью и эффективностью власти, а также допускавшим случай, когда обязательство подчиняться не прекращается в случае, если законы не справедливы. Ролз утверждал, что политическая власть является легитимной только тогда, когда она осуществляется в соответствии с писанной или не писанной конституцией, разумное основание которой одобряют все граждане в соответствии с их коллективным разумом³⁸. В той мере, в какой ролсовская концепция политической легитимности связана со справедливостью и общей человеческой аргументацией, представления философии права о легитимности права также вполне могут подразумевать такие общие ориентации, как правильность, честность и справедливость в качестве опоры его легитимности.

Думается, что брешь в упомянутых верованиях или, в моей формулировке, в презумпции «возвышенного универсума права» коррелирует кризису легитимации и кризису привычных механизмов легитимации. Современное человечество теряет доверие к гомогенности и автономности мира правовых идей и ценностей, а также к всеобщим социокультурным идеям. Это может быть диагностировано как сужение ментальности, включая правовой менталитет. Все это следует отметить в качестве симптомов моральной и духовной деградации. Современное человечество теряет доверие не только к правовым принципам, но и к мудрости законодателей. Расчет законодателей ныне не является достаточным основанием для легитимности права. Как бы то ни было, этот кризис может быть рассмотрен как изменение модели права и легитимности права, а именно как переход к релятивному, плюралистическому и гетерономному миру правовых оснований, существующих в качестве презумпций. Полное обновление правовых оснований является делом будущего. Это определяется настоящей потребностью выхода за пределы дезориентированного с точки зрения права поведения.

Вместе с тем кризисные процессы в праве и правосознании, несмотря на их расширение, ограничиваются некоторыми феноменами. Так, современное право располагает одной существенной деталью, а именно правами человека. Конституционный принцип правления закона коррелирует абсолютным ценностям прав человека, которые коренятся в презумпции человеческого достоинства, подразумевающего личную свободу и значение. Современное право вклю-

³⁶ Schmitt C. *Legality and Legitimacy*. Durham, London, 2004. P. XV.

³⁷ Schmitt C. *The Crisis of Parliamentary Democracy*. Cambridge, London, 1988. P. 48–50.

³⁸ Ibid.

чает последнее как компонент, который служит лучшим примером тотально не рационализированных верований и убеждений. Так, права человека, происходящие из презумпции человеческого достоинства, являются тем, что наиболее дорого людям. Право, регулирующее и защищающее их, является главным образом правом человека.

Права человека стали мощным фактором правовой легитимности социального порядка и основой легитимности правового порядка, в тоже время будучи слабым звеном. Этот факт может быть объяснен не только уязвимостью их защиты и осуществления, но и трудностью реализации заложенной в их основе идеи равноправия. В свою очередь это требует новых подходов к пониманию принципа равенства в праве. В этом смысле важная роль принадлежит исследованию В. Санадрски³⁹. Он исследует сферу юридического равенства и аргументирует некоторые особые критерии дифференциации, а именно, что приемлемая концепция недискриминации может быть сконструирована через рефлексивный равновесный процесс и что следует отрицать необдуманное предположение о том, что наличие некоторого особого критерия дифференциации необходимо скрывает юридическую классификацию в качестве дискриминации. Из этого можно вывести мысль о том, что правовое закрепление дифференциации, в том случае если оно соответствует принципам права и общественным ценностям, является составной частью признания права как легитимного явления.

Все рассмотренные выводы указывают, что существует потребность детализировать отношения между легальностью, легитимностью и легитимностью права. Действительно, легальность, включая легальность власти, — значительный элемент легитимности права, в частности, и легитимности социального порядка в целом. Легальность относится к действиям людей, а также к действиям и решениям исполнительной власти, судебной власти и законодательству. Основание их легальности — это корреспондирование законам. При этом те же законы должны корреспондировать праву в его широком понимании. Вследствие легальных оснований власть становится политической властью, а благодаря легитимности становится аттрактором легитимного социального порядка, корреспондирующего легитимному праву. Для интеграции в легитимность права и в легитимность социального порядка власть должна корреспондировать универсуму права. Такое корреспондирование есть существенная часть социальной легитимности. Поэтому легальность власти есть только лишь процедурный инструмент легитимности социального порядка. Действия, включая дей-

ствия власти, могут обладать критерием легальности, но этого недостаточно для признания существования легитимности. Общество заостренно относится к возможному напряжению между легальностью и легитимностью. Кризис легальности подтачивает правовой порядок общества и, как следствие, легитимность в целом. В этих условиях появляется потребность обновления правового универсума для того, чтобы сохранить приверженность ему.

Одновременно легитимность права не только одна из форм легитимности, но такая форма, которая воздействует на валидную реализацию человеческих целей и интенций. Что из себя представляет базис правовой легитимности социального порядка? Это моральные и даже религиозные интенции, пересекающиеся с фундаментальными правовыми интенциями и устанавливающими единый морально-правовой комплекс. Данный тезис может быть продемонстрирован на примере идеи, ценности и принципе справедливости. Поэтому универсум права сопротивляется окончательной рационализации. Это подтверждает предложение о презюмируемом характере возвышенного универсума права, санкционирующего легитимность социального порядка. В целом правовой универсум имеет морально-правовой характер, что вполне может совпадать с выводами теории естественного права.

Правовая жизнь в ее различных формах, таких как исполнительная и законодательная деятельность, охватывая реализацию прав человека, должна постоянно иметь в виду этот морально-правовой универсум. Забвение базисных оснований правового порядка общества ведет к кризису легитимности. Возможности не заключаются в простом претерпевании негативных процессов социального беспорядка. Преодоление кризиса предполагает интенсифицированный поиск релевантных моделей механизмов легитимации. Кризис легитимности власти, права и социального порядка должен быть не приостановлен, а должен быть разрешен благодаря содействию со стороны потенциала философии права. Философия права должна разрабатывать концептуальную структуру создания новой правовой легитимности социального порядка на основе нового и усовершенствованного механизма легитимации права. Вполне понятно, что одной только теоретической работы недостаточно, для того чтобы право было легитимным на практике.

В завершение необходимо отметить одну из наиболее значимых тенденций развития философии права, а именно анализ легитимности системы международных отношений и международно-правовых оснований, поддерживающих их⁴⁰.

³⁹ Sadurski W. *Equality and Legitimacy*. Oxford, 2008.

⁴⁰ Buchanan A., Keohane R.O. *The Legitimacy of Global Governance Institutions // Ethics and International Affairs*, 2006. Vol. 20(4). P. 405–437; Byrd B.S., Hruschka J. *From the*

В частности, национальное право интегрировано в международно-правовой порядок и далее — в глобальное право. В результате появляется новое видение того, что есть право и, соответственно, что есть легитимность. Помимо этого, в ходе дискуссий о справедливости, свободе и равенстве в рамках международных отношений, урегулированных международным правом, поднимается вопрос о понятии «философия права». Это обращает нас к проблемам легитимности в международном праве и международно-правовой системе как самостоятельных предметов изучения⁴¹. Во многом это обусловлено тем, что национальное право может быть признано легитимным, если оно совместимо с международно-правовыми стандартами. В результате, привычное обоснование легитимности права, понимаемой как легитимность именно национального права, решительным образом перемещается к новой предметной сфере, демонстрирующей потребность в обосновании легитимности глобальных правовых стандартов в качестве меры легитимности национального права. К тому же глобальные процессы, проблематизирующие государственный суверенитет, могут подорвать суверенитет национальных правовых систем, в то время как легитимность национального права продолжает мыслиться в качестве легитимности суверенного права. Все это имеет большое значение для дальнейшей работы философско-правовой мысли и заслуживает тщательного исследования.

Заключение. Необходимо подчеркнуть, что философско-правовая легитимация — аспект предельно широко понятых процессов легитимации права, выступающий в качестве их теоретическо-мировоззренческой формы. Концептуальная легитимация права и связанные с ней направления по его практической легитимации предполагают изначальный плюрализм философско-правовой мысли. Однако в этом плюрализме скрываются опасности фрагментации, когда в соответствии с разными типами правопонимания возникают самостоятельные модели легитимации права. Поэтому условием действенного легитимирующего воздействия на право со стороны философии может выступить конструктивный диалог и достижение консенсуса по определенным вопросам видения того, что есть право. В этой связи надо заметить, не менее важным аспектом выступает диалог и консенсус по поводу того, что есть легитимность права и в чем заключается ее кризис. Ясно, что уловить

все аспекты кризиса легитимности, включая все аспекты кризиса легитимности права, достаточно трудно. Но формирование достаточно системного образа данного кризиса вполне возможно в случае содержательного и структурного усложнения философии права. Это могло бы быть рассмотрено как возрастание ее потенциала в направлении концептуального разрешения проблемы легитимности, с которой столкнулось современное человечество. Поэтому философия права, с нашей точки зрения, находится перед решением задачи достижения концептуального равновесия, во-первых, между рациональностью и верованиями, во-вторых, между справедливостью и равенством, а в-третьих, между свободой и равенством на уровне структур легитимности.

Список литературы:

1. Альбов А.П. О понятиях и категориях в философии и теории права (или что отличает науку от мнений в науке) // Российский журнал правовых исследований. 2014. № 4 (1). С. 46–59.
2. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
3. Гаджиев Г.А. Онтология права: (критическое исследование юридического концепта действительности). М.: Норма, 2014. 320 с.
4. Дзоло Д. Демократия и сложность: реалистический подход. М.: Изд. Дом ГУ — ВШЭ, 2010. С. 311–312.
5. Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб., 1903. 619 с.
6. Кальной И.И. Правовой нигилизм и его основания // Российский журнал правовых исследований. 2014. № 4 (1). С. 60–66.
7. Кимлика У. Современная политическая философия: введение. М.: Изд. Дом ГУ — ВШЭ, 2010. 592 с.
8. Круч К. Пост-демократия. М.: Изд. Дом ГУ — ВШЭ, 2010. 192 с.
9. Лапаева В.В. Современное состояние и перспективы российской теории права и государства. Часть 1 // Российский журнал правовых исследований. 2014. № 4 (1). С. 20–31.
10. Лисюткин А.Б. К вопросу о природе легитимности в юридической науке и практике // Правовая культура. 2014. № 2 (17). С. 9–14.
11. Льюкс С. Власть: Радикальный взгляд. М.: Изд. Дом ГУ — ВШЭ, 2010. 240 с.
12. Малахов В.С. Государство в условиях глобализации. М.: Изд-во «КДУ», 2007. 256 с.
13. Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Изд-во: Норма, 2007. 800 с.
14. Нерсесян В.С. Право и правовой закон: становление и развитие / под ред. В.В. Лапаевой. М.: Норма, 2009. 384 с.
15. Пермяков Ю.Е. Метаморфозы легитимности // Мир человека: нормативное измерение — 3. Рациональность и легитимность. Сборник трудов международной научной конференции (Саратов, 13–15 июня 2013 г.) / под ред. проф. И.Д. Невважая. Саратов: Изд-во «Кубик». С. 307–314.
16. Подорога В. Апология политического. М.: Изд. Дом ГУ — ВШЭ, 2010. 288 с.
17. Чиркин В.Е. Какая форма правления существует в современной России? // Российский журнал правовых исследований. 2014. № 4 (1). С. 32–40.
18. Шатило В.А. Вопросы легализации и легитимации государственной власти // Мир человека: нормативное измерение — 3. Рациональность и легитимность. Сборник трудов международной научной конференции (Саратов, 13–15 июня 2013 г.) / под ред. проф. И.Д. Невважая. Саратов: Издательство «Кубик», С. 348–349.
19. Шутуров М.В. Правовая субъектность и инверсии современной культуры // Общественные науки и современность. 2005. № 1. С. 79–94.

State of Nature to the Juridical State of States // Law and Philosophy, 2008. Vol. 27. P. 599–641.

⁴¹ Thomas C.A. The Conception of Legitimacy and International Law. LSE Law, Social and Economy Working Papers 12/2013, 2013. Available at: URL: <http://www.lse.ac.uk/collections/wps/WPS2013-12.Thomas.pdf>; Besson S., Tasioulas J. (eds.) The Philosophy of International Law. Oxford, 2010; Lukas H.M. (ed.) Legitimacy, Justice and Public International Law. Cambridge, 2009.

20. Besson S., Tasioulas J. (eds.) *The Philosophy of International Law*. Oxford: Oxford University Press, 2010. 626 pp.
21. Bottoms A., Tankebe J. *Beyond Procedural Justice: A Dialogic Approach to Legitimacy in Criminal Justice* // *The Journal of Criminal Law & Criminology*, 2012. Vol. 102 (1). P. 119–170.
22. Brook T. *The Legitimacy of Law in Literature: the Case of Albion W. Tourgée* // *Elon Law Review*, 2012. Vol. 5 (1). P. 170–198.
23. Buchanan A., Keohane R.O. *The Legitimacy of Global Governance Institutions* // *Ethics and International Affairs*, 2006. Vol. 20(4). P. 405–437.
24. Buchanan A. *Political Legitimacy and Democracy* // *Ethics*, 2002. Vol. 112(4). P. 689–719.
25. Byrd B.S., Hruschka J. *From the State of Nature to the Juridical State of States* // *Law and Philosophy*, 2008. Vol. 27 (6). P. 599–641.
26. Cohen J.L. *Globalization and Sovereignty. Rethinking Legality, Legitimacy, and Constitutionalism*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 442 pp.
27. Conkin W.E. *Hegel's Laws: The Legitimacy of a Modern Legal Order*. Stanford: Stanford University Press, 2008. 381 pp.
28. Dyzenhaus D. *Hobbes and the Legitimacy of Law* // *Law and Philosophy*, 2001. Vol. 2(5). P. 461–498.
29. Edmundson W.A. (ed.) *The Duty to Obey the Law Selected Philosophical Readings*. Oxford: Rowman&Littlefield, 1999. 352 pp.
30. Estlund D.M. *Democratic Authority: A Philosophical Framework*. Princeton: Princeton University Press, 2008. 312 pp.
31. Jackson J., Bradford B., Hough M., Mihil A., Quinton P., Tyler T. *Why Do People Comply with the Law? Legitimacy and the Influence of Legal Institutions* // *British Journal of Criminology*, 2012. Vol. 52 (6). P. 105–1071.
32. Kochel T.R. *Can Police Legitimacy Promote Collective Efficacy?* // *Justice Quarterly*, 2011. Vol. 29 (3). P. 384–419.
33. Lukas H.M. (ed.) *Legitimacy, Justice and Public International Law*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 333 pp.
34. May L., Morrow P. *Procedural Justice*. Burlington: Ashgate, 2012. 513 pp.
35. Murphy K., Tyler T.R., Curtis A. *Nurturing Regulatory Compliance: Is Procedural Justice Effective When People Question the Legitimacy of Law?* // *Regulation & Governance*, 2009. Vol. 3(1). P. 1–26.
36. Rawls J. *Justice as Fairness: A Restatement*. Cambridge: Harvard University Press, 2001. 214 pp.
37. Röhl K.F., Machura S. *Procedural Justice*. Burlington: Ashgate, 1997. 240 pp.
38. Sadurski W. *Equality and Legitimacy*. Oxford: Oxford University Press, 2008. 250 pp.
39. Sadurski W. *Law's Legitimacy and 'Democracy-Plus'* // *Oxford Journal of Legal Studies*, 2006. Vol. 26(2). P. 377–409.
40. Simmons A. *Justification and Legitimacy: Essays on Rights and Obligations*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 276 pp.
41. Smith D.J. *New Challenges to Police Legitimacy*, in Henry A., Smith D.J. (eds.) *Transformations of Policing*. Burlington: Ashgate, 2007. P. 273–306.
42. Tyler T.R. *Why People Obey the Law*. Princeton: Princeton University Press, 2006. 320 pp.
43. Vinx L. *Hans Kelsen's Pure Theory of Law: Legality and Legitimacy*. Oxford: Oxford University Press, 2007. 230 pp.
44. Wellman Ch., Simmons J. *Is There a Duty to Obey the Law?* Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 200 p.
45. Wheatly S. *The Democratic Legitimacy of International Law*. Portland: Hart Publishing, 2010. 400 pp.

The phenomenon of the legitimacy of rights: philosophical and legal interpretation

Shugurov M.V.

Doctor of Philosophy, professor of Saratov State Academy of Law

E-mail: shugurovs@mail.ru

Abstract. *Article seeks to substantiate the philosophical and legal approach to the analysis of the phenomenon of the legitimacy of law. It proved heuristic meaning of this concept, a distinction is made between the approaches of political philosophy, philosophy of law and legal theory in the definition of the concept of «legitimacy». The author focuses on the concept of «legitimate right» assumptions crisis of legitimacy of law, as well as possible ways to overcome it.*

Keywords: *legitimacy, legality, globalization rights, rule of law, power, social order, human rights and values.*

References:

1. Al'bov A.P. *O ponyatiyah i kategoriayah v filosofii i teorii prava (ili chto otlichaet nauku ot mnenii v nauke)* // *Rossiiskii zhurnal pravovykh issledovaniy*. 2014. № 4 (1). S. 46–59.
2. Veber M. *Izbrannyye proizvedeniya*. M.: Progress, 1990. 808 s.
3. Gadzhiev G.A. *Ontologiya prava: (kriticheskoe issledovanie yuridicheskogo koncepta deistvitel'nosti)*. M.: Norma, 2014. 320 s.
4. Dzolo D. *Demokratiya i slozhnost': realistskii podhod*. M.: Izd. Dom GU — VShE, 2010. S. 311–312.
5. Ellinek G. *Obshee uchenie o gosudarstve*. SPb., 1903. 619 s.
6. Kal'noi I.I. *Pravovoi nigilizm i ego osnovaniya* // *Rossiiskii zhurnal pravovykh issledovaniy*. 2014. № 4 (1). S. 60–66.
7. Kimlika U. *Sovremennaya politicheskaya filosofiya: vvedenie*. M.: Izd. Dom GU — VShE, 2010. 592 s.
8. Kruch K. *Post-demokratiya*. M.: Izd. Dom GU — VShE, 2010. 192 s.
9. Lapaeva V.V. *Sovremennoe sostoyanie i perspektivy rossiiskoi teorii prava i gosudarstva. Chast' 1* // *Rossiiskii zhurnal pravovykh issledovaniy*. 2014. № 4 (1). S. 20–31.
10. Lisutkin A.B. *K voprosu o prirode legitimnosti v yuridicheskoi nauke i praktike* // *Pravovaya kul'tura*. 2014. № 2 (17). S. 9–14.
11. Lyuks S. *Vlast': Radikal'nyi vzglyad*. M.: Izd. Dom GU — VShE, 2010. 240 s.
12. Malahov V.S. *Gosudarstvo v usloviyah globalizatsii*. M.: Izd-vo «KDU», 2007. 256 s.
13. Mal'cev G.V. *Sotsial'nye osnovaniya prava*. M.: Izd-vo: Norma, 2007. 800 s.
14. Nersesyan V.S. *Pravo i pravovoi zakon: stanovlenie i razvitie / pod. red. V.V. Lapaevoi*. M.: Norma, 2009. 384 s.
15. Permyakov Yu.E. *Metamorfozy legitimnosti* // *Mir cheloveka: normativnoe izmerenie — 3. Ratsional'nost' i legitimnost'. Sbornik trudov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Saratov, 13–15 iyunya 2013 g.) / pod red. prof. I.D. Nevvazhaya*. Saratov: Izd-vo «Kubik». S. 307–314.
16. Podoroga V. *Apologiya politicheskogo*. M.: Izd. Dom GU — VShE, 2010. 288 s.
17. Chirkin V.E. *Kakaya forma pravleniya sushestvuet v sovremennoi Rossii?* // *Rossiiskii zhurnal pravovykh issledovaniy*. 2014. № 4 (1). S. 32–40.
18. Shatilo V.A. *Voprosy legalizatsii i legitimatsii gosudarstvennoi vlasti* // *Mir cheloveka: normativnoe izmerenie — 3. Ratsional'nost' i legitimnost'. Sbornik trudov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Saratov, 13–15 iyunya 2013 g.) / pod red. prof. I.D. Nevvazhaya*. Saratov: Izd-vo «Kubik», S. 348–349.
19. Shugurov M.V. *Pravovaya subektnost' i inversii sovremennoi kul'tury* // *Obshestvennyye nauki i sovremennost'*. 2005. № 1. S. 79–94.